

В.И. Щербаков,кандидат исторических наук,
доцент кафедры социальной антропологии РГСУ**ЛЕМНОССКАЯ СТЕЛА
(социально-исторический аспект)**

После падений крито-микенской державы и Троянской войны в Эгеиде начался новый этап развития, обусловленный, в частности, активностью новых этносов. В этой связи можно назвать известный памятник Эгеиды — стелу острова Лемнос [1]. Язык текстов (надписей) на ее лицевой и боковой сторонах, на наш взгляд, допускает сближение прежде всего с фракийским и гораздо меньшей степени с этрусским [2]. Стела датируется VII—VI вв. до н.э. и посвящена памяти Холайеса, который возглавил отряд ионийцев и отплыл с ними из гавани города Фокея на помощь жителям острова Лемнос. Согласно нашему переводу Холайес охарактеризован в тексте на боковой стороне стелы как сильный, храбрый воин, погибший в 35 лет, а текст на лицевой стороне стелы свидетельствует о его мощном вооружении [3]. Он изображен на стеле в профиль с большим копьем; намечена линия его массивных доспехов. Общим планом расположения надписи и изображения лемноская стела напоминает погребальную стелу Авла Фелуска из этрусского города Ветулония, которая датируется более поздним временем (V в. до н.э.).

Причины и характер лемносского военного столкновения можно истолковать, исходя из общей обстановки в Эгеиде и Средиземноморье. После нашествий народов моря, разрушения филистимлянами Сидона, крушения микенского господства возникли предпосылки для успешного продолжения финикийских морских походов. Торговлю и обмен товарами сменял постепенно этап основания финикийских факторий и городов-колоний.

Товары финикийских купцов высоко ценились и пользовались спросом во многих заморских землях, включая самые дальние районы Средиземноморья. С запада вывозились олово, серебро, золото. Из античного предания известно о трех попытках финикийцев освоить гавани Испании, богатой металлами. Но для этого нужно было преодолеть сопротивление тартессиев, населявших ее южное побережье. Ввиду явной неудачи финикийцы вынуждены были основать крепость (Гадир — в переводе “крепость”) на небольшом острове, но

уже в океане, за Гибралтарским проливом. Постепенно они осваивают Северную Африку, Сицилию, Сардинию, Мальту, Кипр — всюду возникают колонии финикийцев. Процессы колонизации набирают темпы в начале первого тысячелетия до н.э. Нередко колонисты выбирают для своих поселений небольшие острова близ побережий. Позднее им пришлось испытать давление со стороны греков. Как колонисты греки проявляли наивысшую активность, начиная с периода VIII—VI вв. до н.э.

Скорее всего попытки колонизации новых территорий и были причиной столкновения греков-ионийцев и финикийцев на острове Лемнос, который, согласно Фукидиду, был населен некогда пеласгами и тирренами. Лемносский инцидент (его можно назвать и лемносской войной) завершился, судя по тексту стелы, поражением финикийцев. Главную роль в победе ионийцев над финикийцами сыграл организаторский и полководческий талант Холайеса, а также его личные качества — сила, храбрость, решительность, самоотверженность. В тексте стелы прямо указано, что он лично возглавил ионийцев в морском походе на Лемнос.

Можно найти и другие подтверждения победы греков-ионийцев в Лемносской войне. Рассказывая о войне афинян с Сиракузами, Фукидид отождествляет афинян с ионийцами: “Афиняне, сами будучи ионянами, по собственной воле выступили в поход на сиракузан-дорийцев...” И далее он сообщает, что вместе с афинянами в этом походе участвовали и лемносцы, говорившие с ними к тому времени уже на одном языке (VII 57,2). Эту общность языка легко объяснить тем, что жители Лемноса разделили судьбу других пеласгов Эгеиды (включая и пеласгов Аттики) и с V в. до н.э. Лемнос числился среди эгейских клерухий (колоний) Афин. Таким образом, Холайес сыграл со своим морским десантом решающую роль в определении судьбы одного из самых значительных островов Эгеиды.

Вполне естествен поэтому поиск других свидетельств и косвенных данных, касающихся лемносских событий. Этрусколог А.И. Немировский упоминает о попытках сблизить личность Холайеса с библейским Голиафом. Гипотеза, основанная на созвучии имен, интересна, но сама по себе малоубедительна: события, в которых участвовали Голиаф и Холайес, происходили в удаленных друг от друга регионах и в разные эпохи. Но анализ противоречивых библейских источников дал нам, однако, некоторые основания для продолжения поиска в этом направлении с учетом лемносского текста.

Хорошо известно, что исследователи Библии не раз отмечали разночтения имени противника Голиафа в поединке: названы будущий царь Израиля

и Иудеи Давид (I Царств 17, 32-51) и воин по имени Элханан (2 Царств 21, 19), сын Ягаре-Оргила Вифлеемского. В обоих случаях Голиаф назван Гефянином, т.е. жителем города Геф. Возможность случайного совпадения имен у противников Давида и Элханана отпадает. Существовал один Голиаф из города Геф, у которого “древко копья было, как навой у ткачей” (все, что сказано о вооружении Голиафа в поединке с Элхананом). Согласно описанию поединка с Давидом у Голиафа — медный шлем, чешуйчатая броня (весом в пять тысяч сиклей меди), медные наколенники, медный щит, копье в шестьсот сиклей железа с таким же древком, как навой у ткачей, приведен и рост Голиафа — шесть локтей и пядь (более трех метров). В обоих описаниях Голиаф — филистимлянин, что является прямым указанием на его пеласгийское происхождение. (Тождество пеласгов, пелешет, филистимлян принято большинством исследователей и возражений не вызывает.)

Три израильских царя — Саул (1040—1012 гг. до н.э.), Давид (1012—972 гг. до н.э.) и Соломон (972—932 гг. до н.э.) правили в период объединенного государства, но в 932 г. до н.э. отделились десять северных племен и возникли два враждующих царства — Израиль и Иудея. Четыре Книги Царств и две книги Паралипоменон рассказывают о едином царстве этого периода, причем согласно Талмуду автором Книг Царств был пророк Иеремия. Современные библеисты не подвергают сомнению важное обстоятельство: авторов окончательного текста, дошедшего до наших дней, нужно искать и среди жрецов, переписывавших многие фрагменты с внесением в них изменений и дополнений в связи с религиозными реформами царя Иосии (640—609 гг. до н.э.). Эти реформы определили теократический дух названных книг, которым пронизано освещение исторических событий [4].

Царь Давид был фигурой, весьма близкой жрецам (если не самой близкой). Он якобы получил указание свыше от самого Яхве уничтожить семерых потомков Саула. Согласно библейскому тексту юноша-пастух Давид выступает против Голиафа, уповая на божественное покровительство. Он заявляет Голиафу: “Ты идешь против меня с мечом и копьем, и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинств израильских, которые ты поносил” (I Царств 17, 45). Здесь, во избежание недоразумений, нужно иметь в виду, что имя Саваоф (в христианской Библии одно из имен Бога) произошло от “цебаот” (воинство); двойное имя Яхве Саваоф (Господь Саваоф) характеризует Яхве как предводителя воинств.

Дилемма, связанная с противниками Голиафа, разрешается иногда таким образом, что Элханан объявляется реальной личностью, действовавшей

в схватке с филистимлянином, Давид же — лишь прозвище, данное ему позднее. Подобные заключения, несмотря на их кажущееся правдоподобие, вряд ли могут быть приняты. Более естественной представляется контаминация двух версий. Первая — относится к лемноским событиям (по времени примерно соответствующим религиозным реформам и периоду после них, а также и пророческой деятельности Иеремии). Вторая версия соотносится с событиями войн с филистимлянами.

В отличие от царя Саула, для которого составители и редакторы библейских текстов не пожалели “черной краски” из-за его негативных отношений со жрецами, платившими ему той же монетой, царь Давид пользовался неувядающей популярностью и славой в тех же кругах. Хорошо известно, что для создания его образа привлекались сказания и фольклор. Нельзя отрицать того, что этот библейский царь был поэтом и музыкантом, но традиция, согласно которой Давид сочинил большинство псалмов, признана легендой, более поздним вымыслом.

Давид был выдающейся личностью Золотого века Израиля. Именно в его честь могло произойти объединение двух указанных выше версий. И здесь необходимо привлечь важное обстоятельство, касающееся использования фольклорного материала в древности. На Руси за столом князя Владимира Красное Солнышко пировали главные герои русских былин. Так сообщалось в фольклорных материалах. И даже победу известнейшего русского князя Владимира Мономаха над половецким князем Тугорканом (Тугарином Змеевичем) народная молва отнесла все же к периоду княжения Владимира I (он же Красное Солнышко) [5]. Он дал Руси веру и был ее опорой. Царь Давид больше всего сделал для веры в свое время в своей стране. Такая аналогия помогает понять, как фигура Голиафа могла быть вписана в историю Израиля периода царствования Давида — подобно тому, как перенесен и вписан был образ Тугоркана-Тугарина, — из времени Владимира Мономаха в более раннее время княжеской власти его тезки Владимира I Киевского.

Иеремия, согласно его собственным свидетельствам, выступил в роли пророка в 626 или 625 году до н.э. В одном из своих ранних выступлений он заявил, что призван возвестить волю свыше в отношении Израиля и соседних с ним народов. Он был самым ярким и активным приверженцем веры. Примечательно, что сама Книга Иеремии состоит в заметной своей части из позднейших добавлений. Пророк вовсе не стремился точно воспроизвести “слова Яхве”, отмечает библеист М.И. Рижский [6]. К тому же периоду можно отнести отмеченные большинством библеистов, даже из среды богословов,

загадки второзакония. Французский библеист А. Лодс заметил, что второзаконие “имеет лексику не древнюю, стиль не старых текстов, но язык плавный, периоды пространные, ораторские, характерные для VII века, периода Иеремии” [7].

Сказанное выше позволяет сделать вывод лишь о возможности контаминации различных версий. Но есть и другие аргументы социально-исторического характера, которые определяют ее как весьма вероятную.

Из анализа Книги притч явствует, что в Библии наряду с материалами древних сборников ассирийцев, халдеев отражены также финикийские материалы. В Израиле работало множество финикийцев, которых перевел сюда Соломон, заботившийся о ремеслах и торговле. Шестьсот шестьдесят шесть талантов — такова цифра годового дохода этого царя, в немалой степени складывавшаяся из торговых прибылей. Царицу Иезавель окружали четыреста финикийских пророков, которых она содержала (3 Царств 18, 19).

Древние всесторонние связи с Финикией должны были сказаться и на особенностях некоторых библейских сюжетов, к которым, на наш взгляд, следует отнести историю с Давидом, Элхананом и Голиафом. Предпринятые финикийцами попытки колонизации Лемноса могли служить непосредственной причиной рождения финикийской версии событий. Как уже отмечено выше, Холайес представлял противоборствующую этой колонизации силу. Поэтому убийство Голиафа-Холайеса должно было занимать центральное место в финикийской версии — это было событие, которое финикийцами и особенно их жрецами и пророками выдавалось за успех на фоне общей неудачи в деле колонизации. Именно через финикийское посредство история битвы на Лемносе, приобретшая, надо полагать, широкую известность в то время, и была донесена до авторов и составителей Библии.

Имя противника Голиафа Элханан приобретает в связи с этим новый смысл. Оно представляется скорее символическим, чем личным, и само его происхождение может быть связано с самоназванием финикийцев. Как известно, они называли себя ханаанеями (как и их южные соседи, жители страны Ханаан). Кем бы ни был этот воин по своему происхождению — финикийцем или ханаанеем — его имя могло быть не выяснено после жаркой схватки и потом забыто, если он сам был убит в числе многих воинов с той и другой стороны. До нас дошло лишь его символическое имя, записанное в Библии. Это нельзя рассматривать как исключение, по мнению библеистов, вся Библия — это “кладезь сведений о ханаанейской мифологии и религии” [8]. На это есть указания и отечественных исследователей. Так, Н.В. Румянцев

писал: “Илия — историзованное, превращенное в мнимоисторическую личность, ханаанское божество грозы, водной стихии и сельского хозяйства” [9]. При некоторой заданности эта формулировка все же отражает связь личности Илии с образами ханаанской мифологии.

Таким образом, лемноская стела, по всей видимости, является надгробьем Голиафа-Холайеса. Такая точка зрения не только объясняет противоречия в древних текстах, но и дает ключ к их пониманию в социально-историческом контексте и позволяет считать (с учетом контаминации), что в них отражены реальные события.

1 Кречмер П. Тирренские надписи лемносской стелы // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 336.

2 Щербаков В.И. Лемноская стела. Этнические соответствия и текст // Ученые записки МГСУ. М., 2002. № 6. С. 94, 95.

3 Там же. С. 96.

4 См., например: Косидовский З. Библийские сказания. М., 1969. С. 315-320 .

5 Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 451.

6 Рижский М.И. Библийские пророки и библийские пророчества. М., 1987. С. 192, 194.

7 Lods A. Histoire de la litterature hebraique et juive depuis les origines jusq'a la ruine de l'e-tat Iuif (135 apres I.C.). P., 1950. P. 362.

8 Гордон С. Ханаанейская мифология // Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 199.

9 Румянцев Н.В. Пророк Илия // Критика иудейской религии. М., 1964. С. 253.